

УЗНИК ПЛЕНЭРА,

ИЛИ СКАЗКА ВИКТОРА КАДОШНИКОВА

Именно так — сказкой, из которой не хочется уходить, — назвал студиец Сергей Зубов персональную выставку одного из старейших студийцев комбината Виктора Кадошников, открывшуюся на днях в городской картинной галерее.

Здесь нужно сразу отдать должное организаторам выставки во главе с директором МКГ Валентиной Михайловной Семиной в том, что в последние годы залы картинной галереи предоставляются местным художникам, как профессиональным, так и самодеятельным. Хотя определения «профессиональный» и «самодеятельный» во все времена, начиная с РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей) и ВХУТЕМАСа (Высшие художественно-технические мастерские) были явно «притянуты за уши», становились неким разделяющим барьером в среде художников (будь это писатели, композиторы, живописцы, архитекторы и прочие, для кого, возможно, из добрых побуждений на волне революционной эйфории были созданы одноименные творческие союзы), искусственно создавали элитарность, возвышая одних и принижая других.

Как тут не вспомнить известное собрание тульских писателей, когда работник обкома партии, ударившись в статистику, отметил, что до революции в области был один писатель, а нынче — 150. Тогда голос из зала крикнул: а кто был до революции? Лев Николаевич Толстой — был ответ. Как тогда разделить по профессиональной принадлежности Пушкина и Кольцова, Тропинина и Левицкого, Надю Рушеву и Александра Шилова?..

Суэта суета, да и только. И потом: профессионализм предполагает заработок на жизнь своим творчеством. В этом случае настоящих профессионалов можно пересчитать по пальцам. Нынешние художники, писатели и композиторы «вкваливают» для поддержания шта-

нов в редакциях, конторах, сторожат объекты и разгружают вагоны...

Виктор Кадошников всю жизнь вкалывал и продолжает зарабатывать на жизнь далеко не живописью. И сегодняшняя персональная выставка у него — первая. Близко знакомые с ним коллеги и друзья, также обремененные житейскими заботами, были искренне поражены представленной экспозицией. За много лет примелькались друг к другу, отсекаем в памяти ту или иную удачную работу, пропускаем мимо сердца проходные и неброские — словом, не складываем и не осмысливаем в душе весь гармоничный храм творчества художника, храм, в котором есть кирпичи и цемент, неброские переходы и желанные закутки, ажурные торжественные своды и иконостас, а в довершение ко всему — злаченые купола и звонница. Редко кому удается увидеть все целиком еще до выставки. Видимо, только тому, кто за много лет сумел глубоко проникнуться творчеством собрата, оценил его потенциал, прозрел и синтезировал созданное за годы...

Таким человеком стал руководитель народного коллектива изостудии комбината Евгений Петрович Белицкий. Сегодня он, пожалуй, один из тех, если не единственный в изостудии, кто всецело обладает «банком данных» о своих братьях-художниках, точно, грамотно и со вкусом собирает выставки коллег, подвигает их к достойному выходу на широкую публику. И персональная выставка Виктора Кадошников — во многом его заслуга.

Открывая экспозицию, Е. Белицкий отметил, что главное в ней — единство мировоззрения и души художника, цельность в восприятии мира и отражении его на полотнах, гармония человека и природы. А это бывает очень редко.

Ветеран изостудии, известный художник Анатолий Андреевич Заборский, одна из персональных выставок которого прошла в этих стенах в прошлом году, сказал, что даже не думал увидеть такое. Вроде бы много лет трудились бок о бок, все этюды и работы прошли перед глазами, но заминались и откладывались в душе как-то отдельно. А здесь

их около восьмидесяти, целый фейерверк красок, извечное и жизнеутверждающее начало природы, неповторимый и глубоко прочувствованный художником мир. Эта выставка достойна доброго удивления и восхищения...

Виктор Кадошников — певец пейзажа. Вдоль и поперек исходил и изъездил он наш край. Родился и вырос в Верхне-Кизильске, виды которого любовно и щемяще запечатлел в работах. Будучи геологоразведчиком, написал множество великолепных этюдов во все времена года. Выезд на природу — пленэр — для большинства художников редкий праздник, а для Виктора — естественное состояние. Многие пишут по памяти, у каждого своя творческая кухня, а его сердцу любезнее черпать живые краски из самой природы, как бы сливаясь с нею, становясь единым и неразрывным целым. Поэтому этюды его дышат ветром и снегом, пахнут лесом и солнцем, журчат ручьями и наливаются предгрозовою прохладой туч.

Казалось бы, что можно написать на улице Бориса Ручьева? Картина так и называется: «Улица Ручьева». Дома, освещенные предзакатным солнцем, свинцовою дождевые тучи на левом берегу и связующие землю с небесами, город с уходящей станицей, неравнодушная радуга. Или «Сумерки»: в предвечерней зимней синеве среди индеевельх деревьев и туманной изморози одинокий зябкий барак, как символ уходящего и забытого пока прошлого...

Студиец Сергей Александров, тоже погруженный в созерцание и растворившийся в окружающих его работах, на вопрос о впечатлении от выставки подумал и сказал: «Цельность видения, прекрасные и грамотные колористические подходы, высокий профессионализм в технике изобразительного искусства. В некоторых работах есть дыхание Левитана, но все это — продолжение русской художественной школы».

Первый учитель Виктора Кадошников, старейший студиец Вячеслав Алексеевич Ермаков много лет назад писал этюд на проспекте Пушкина. Почувствовал кого-то за спиной, обернулся и увидел мальчишку, наблюдающего за его работой. Встречались несколько

раз. И вскоре он привел Витю в изостудию, которой тогда руководил заслуженный художник России Георгий Яковлевич Соловьев. Так началась пора учебы и овладения техникой, начались поиски себя. После службы в армии Виктор вернулся в студию, которую уже возглавил незабвенный Владимир Петрович Павлов. И по сей день стены народного коллектива изостудии комбината для него родные...

Нужно сказать, что художники составляют свои выставки из работ одного жанра редко: есть опасность оказаться непонятыми, да и вкусы у всех разные. Здесь же Евгений Белицкий и Виктор Кадошников при подготовке персональной выставки, можно смело сказать, попали в точку. Художники самых разных направлений и школ, пришедшие в картинную галерею, были единодушны: такой цельной и органичной экспозиции здесь не встречали давно. Подолгу в раздумье стоят посетители у простых, казалось бы, работ «Овраг», «Морозное утро», «Заводской пруд», «Морозно», «Теплая осень», «Зима», «Пашня», «Хмурый день», «Поздняя осень», «Август», «Окраина», «В летнем лесу», «Ранняя весна», «Солнечный день», «Летний день», «Золото осени», «Степные колки», «Ветренный день»...

Каждая из работ чем-то цепляет за душу, каждая, несмотря на время года и суток, светлосна и тепла добротой и любовью. А это подделать нельзя, придумать — тоже. Это или есть, или нет. Некая положительная энергетика струится с холста художника, согревает и навеивает что-то свое, близкое твоему сердцу, пробуждает в закоулках души милые сердцу проталинки, на которых появляются ростки красоты...

Вспоминаю самое начало девятых годов, когда всем художникам «дозволено» стало выходить на улицы и площади, предлагать свои работы горожанам. Дворец культуры и техники тогда организовал выставку-продажу работ студийцев в сквере у памятника комсомольцам-первостроителям. Руководитель студии Евгений Белицкий, никогда не приветствовавший подобных бизнес и меркантильности, ворча и скопидомно, как истинный хозяин, отобрал для этой выставки-продажи далеко не самые, на его взгляд, лучшие работы. Лучшее должно остаться в запасниках — прозорливо отмалчивался он. Были здесь и этюды Виктора Кадошников. Их-то сразу и раскупили горожане подчистую. Мне это тогда здорово запомнилось. Что это? Та самая положительная энергетика? Истинное тепло не обманешь?..

Хотели мы дать несколько фотографий работ Виктора к этому материалу. Но посоветовались и решили: разве что-нибудь могут сказать черно-белые репродукции читателю? Разве можно передать всю ту гамму красок, высекающих настроение и состояние души? Не проще ли посетить эту прекрасную выставку и сделать для себя открытие еще одного самобытного художника, нашего земляка, о которых мы так часто привыкли говорить: нет пророков в своем Отечестве? Да есть они, рядом, творят и возделывают жизнь, летописут для потомков наше время и нас в нем, открывают нам, спешащим и суетливым, глаза на многоликий мир, хотя бы на то прекрасное, что еще осталось в нем, что не потоптано и не раздавлено сумасшедшим веком.

А. ПАВЛОВ.

ПАМЯТЬ

УРОКИ ИСКУССТВА И ЖИЗНИ

Прочитала статью «Неизгладимый след» о Владимире Петровиче Павлове — бывшем руководителе народного коллектива изостудии комбината, о вернейшей трагедии, в результате которой его не стало. И хочу поделиться воспоминаниями об этом необыкновенном человеке...

Немало лет назад Владимир Петрович Павлов был преподавателем изобразительного искусства на школьном факультете МГПИ. Он тогда был еще и классным руководителем нашей группы (мы его называли «классной дамой»).

Здание МГПИ в то время находилось на левом берегу. В «Магнитогорском металле» за 31 июля сего года помещена прекрасная и редкая фоторафия В. П. Павлова. На снимке он такой же, как и в жизни: большие живые задумчивые глаза, очень внимательные, открытые и притягивающие. В глазах было все: живая душа, доброта и твердая решимость. Эти глаза нельзя забыть...

Для нас он был просто великим человеком. В группе были одни девчонки. Мы, будущие учителя начальной школы, должны были уметь все: учить детей читать и писать, рисовать, петь, танцевать. А самое главное — учить детей жить, воспитывать их настоящими людьми. И Владимир Петрович учил нас общению, много рассказывал о творчестве художников, показывал свои рисунки, любил ходить с нами в кино.

Где он находил время? Каждый из нас на уроках изобразительного искусства уделял много времени и внимания. Рисунки он не критиковал, не делал никаких резких замечаний. Из глаз излучались добродушие и восторг, в руках всегда был карандаш. Молча посмотрит тебе в глаза, карандашом сделает отдельные штрихи на рисунке и скажет: «Продолжай работу». Его уроки были уроками искусства и жизни.

Все свои знания он передавал студентам. Изостудия В. П. Павлова находилась в подвальном помещении старого здания института. Его мастерская — это сказочный дом, который строился с любовью. А архитектором был сам Владимир Петрович. Все картины здесь мы считали сокровищем и очень бережно относились ко всему, что хранилось в мастерской.

В. П. Павлов свято уважал человеческую личность, личность студента. Был очень вежливым, мягким, щедрым и интеллигентным человеком. Вспоминаются слова А. П. Чехова о воспитанности: «Учителю, как артисту, нужна похвала, похвала, похвала...» На уроках мы часто слышали приятные слова, а ведь в настоящей жизни их почти совсем нет...

Владимир Петрович Павлов продолжает жить, так как в каждой из нас он оставил каплю души, работоспособности, творчества и человечности.

Н. БАХМЕТЬЕВА,
учитель школы № 48.